

**Сергей
Мочалов**

**РУБИНОВЫЕ СЛЕЗЫ
ДЕКАДАНСА**

Сергей Мочалов

Рубиновые слезы декаданса

«Издательские решения»

Мочалов С. В.

Рубиновые слезы декаданса / С. В. Мочалов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837537-8

Любовная лирика; Мистика и эзотерика; Философские рассуждения о любви. В книге присутствуют библейские и мифологические сюжеты.

ISBN 978-5-44-837537-8

© Мочалов С. В.
© Издательские решения

Содержание

«Лучше плакать от того, что болит сердце...»	7
«Что нужно для того, чтобы мечтать...»	8
Даже если...	9
С тоской необычайной	10
«Жил под звездами бедный поэт...»	11
Мне упасть...	12
«Черная нитка на белой простыне...»	14
«Вороньем стали черные тучи...»	15
«Белыми крыльями... снежными крыльями...»	16
«В зазеркалье, где вы со мною...»	17
«Время течет сквозь пальцы...»	18
«Вдыхая снег, как кокаин...»	19
«Что человек? Всего вопрос...»	20
Что останется?	21
«В туманном сладко-пряном дыме...»	24
След моей неразбавленной горести	26
«Ну разве женщине, дано понять...»	27
«Моя белая богиня...»	28
«Вы не слышите, как я дрожу?...»	29
Жить не дыша	30
Мечты безумного шляпника	31
Ослепленный поэт	32
«Я не хочу менять мечты...»	33
«Да, на сердце глубокая рана...»	34
«Принесите мне в ладонях...»	35
И не любите	36
Уже не спасет?	37
Здесь со мною	38
Последнее акме	39
«Разве вы не видите, я бледен...»	40
«Когда-то я был печальным...»	41
Я прошу	42
Темное облако	43
Кто-то...	45
Меч самурая	46
«О белом снеге я подумал ночью...»	47
«Я слишком поздно повстречал вас на пути, ...»	48
Солнца цветы	49
«Мне лишь думать о вас, как о Солнце...»	50
«Брошь из капелек воды под ногами...»	51
«Приснитесь мне небесной королевой...»	52
Очи змеи	53
Плачут ангелы	54
«Вы... в холодном колючем дожде...»	55
«А вы ведь тоже, улыбались?!...»	56
«Зачем вам знать, насколько я безумен?...»	57

Не могу жить, не любя!	58
«В пурпурных одеждах зари...»	59
Пел безумный маг	61
«Полупрозрачные шелка стекались пламенем на землю...»	62
На костре	63
В дворцовых фонтанах Версаля...	64
Нет... вы не скажите	66
Свет страстей и безумных желаний	67
«Я от женщин требовал многого...»	68
«Я представляю вас иной...»	69
И только в сказку	71
Под покровом черных крыл	72
«Самая сладкая сказка...»	73
Открытая, как небо рана	74
«И все таки вы, – моя! Моя опечатка, строчка...»	75
Я смогу вас забыть?	76
После бала	77
На падающих вниз весах	78
«Фатальное одиночество, ...»	79
«Ах, как мне хотелось бы знать...»	80
«Когда я вижу вас, – мне снятся ангелы...»	81
«Это вы научили меня летать...»	82
О страдании	84
«В небе темном среди туч...»	85
«Ветви деревьев с Солнцем сплетаясь...»	86
Темное ожидание	87
Танец	88
«Пусть вообще, я ничем не буду!..»	89
Истинные слова	90
«Позвоните мне, – умоляю вас!..»	92
Замок мой на облаках	93
Как и всегда	94
«Мое сердце, огонь!..»	95
«Постойте! Еще хоть секунду...»	96
«Глупо думать, что небо взрывается...»	97
«Зачем вы так чисты?!Зачем вы так чисты!..»	98
«Я ждал вас ночью в «Англетере...»	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Рубиновые слезы декаданса

Сергей Васильевич Мочалов

© Сергей Васильевич Мочалов, 2017

ISBN 978-5-4483-7537-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Лучше плакать от того, что болит сердце...»

Лучше плакать от того, что болит сердце;
Чем плакать от того, что оно любит.
Я прощу, – накажите меня болью,
Только не презрите, я вас молю!
Лучше мое сердце на части разбейте,
И за это я вас искренне... вас, благодарю!

Лишь не холодейте, – льдом не становитесь!
Оставайтесь теплой, яркой, как гроза!
Нежно... Нежно... Нежно...
Мило улыбнитесь.
И вас вспомнит даже в облаке... слеза.

«Что нужно для того, чтобы мечтать...»

Что нужно для того, чтобы мечтать.
Бокал вина и ваш портрет,
Ну иль хотя бы фотография, —
И мне не нужно больше ничего,
Чтобы во тьме о вас мечтать.
И отдавать себя всего...
Такая спутанная магия
Меня влечет... влечет... влечет;
И мне не позволяет спать.

Ах, ваши пальцы целовать;
Держать в руках безвольных, руки;
И вечно путать все слова,
Которых нет.
Без сердца, – нет!
Позвольте мне. Позвольте мне,
Хотя бы муки... муки... муки.
Не исчезайте из огня,
Как этот неразумный свет.

Огонь свечей, мне Солнца не заменит,
Но Боже мой, какая пустота
Всю душу бедную излечит и изменит...
Позволит жить,
И уведет во тьму ночей;
Заставит восхищаться тишиной
И отвергать последнее безумие,
А может просто тихо умирать
В огне неумирающих свечей.

И красота, – которая есть жизнь,
Как капли крови на губах из сердца.
Бумагу обагрив словом снов, —
Мечтать и падать;
Падать и мечтать...
Все для того, чтоб вас увидеть снова
Основой мира и основой слова.
Я потушу все то, что не сгорит.
Я душу вечную лишь вам смогу отдать.

Даже если...

Даже если вы меня осудите, —
Бог простит!
Даже если вы моей не будите, —
Тьма не спит...

Открывает звездам тающим
Сердце ночь;
Лунный свет уходит путником, —
Вдаль и прочь.

Даже если вы меня не любите, —
Я есмь я!
Даже если вы не скажите:
«Я, – твоя!»

Даже если мысли спутаны, —
Вы есть вы!
Даже если и осудите, —
Жить, увя...

Даже если вами пройдены
Все пути;
Даже если вы мне скажите:
«Отпусти!»

Я не скрою, вам не спрятаться
Средь теней;
От моих безумных призраков
И зверей.

С тоской необычайной

Холодный дождь на выцветшей траве, —
Смешение красок зелени... и смерти;
И белый снег немного в стороне
От этой неприглядности... и смерти.

Как будто умирает вновь зима,
А завтра снова, – холод и морозы;
И снегом заметенные дома;
И ледяные облака, как розы.

Чудесный слишком яркий белый цвет,
Когда в душе лишь тьма и угасание,
Но пустотой сплетается сюжет...
И оживает мертвое сознание.

И ваша путеводная звезда,
Что для меня? Какие это муки
По каплям оброненные года,
И города... разрушены, от скуки.

И этот яркий необычный свет
Я сохраню, пускай печальной тайной.
Пускай вы скажите, что вовсе его нет,
С улыбкой мне,... с тоской необычайной.

«Жил под звездами бедный поэт...»

Жил под звездами бедный поэт.
Он любил миражи.
Он мечтателем был преспокойного нрава,
И не верил, что в слове
Хоть капля есть лжи;
И не верил, что в слове
Есть прах и отрава.

Он искал свою душу,
Доверившись чувству, —
Так доверчив любой человек, и поэт, —
Он желал свою душу
Оставить искусству,
И увидеть любви несгораемый свет.

Даже тьма,
Иногда ему Солнцем казалась;
Огоньки мертвых звезд, —
Жаркой плотью живой.
В его сердце почти ничего не осталось,
Только пламя любви
Чистоты неземной.

Но увы, на осколки хрустального света
Разлетелась его больная душа.
Так познавший весь мир не находит ответа
Для чего вдруг он смотрит
Вокруг... не дыша.

Мне упасть...

Я приду в ваш сон, как зверь...
Прокрадусь, как князь теней;
Спрячусь в небе и земле, —
В петлях запертых дверей.

Вы не сможете кричать;
Или ангелов позвать...
Да, вы будете молчать, —
Падать... падать, и летать!

Тихо падать молча вниз,
Чтобы зверь не услышал,
Как играет теплый бриз
В тенях призрачных начал.

Там среди цветных садов
Зреет ярко-алый плод,
Дар капризов и богов, —
Ваша сладостная плоть.

Да, а я не виноват,
Что я голоден, как волк;
Что я пламенем объят;
Что я самый тонкий шелк.

И конечно, мне упасть, —
Так позволено судьбой...
Нет, в распахнутую пасть

Говорить не мне: «Постой!»

Мои кошечки, – пантеры...
Волшебство их стройных ножек;
Их повадки леопардов,
Пред которыми я пас!
Я всегда мечтал представить
Свою плоть
Их теплой пищей.
Я всегда желал быть мышкой, —
Солнца зайчиком для вас.

Чтоб уставшей и счастливой
Разморенной сном и жаждой,
Вы играли осторожно, —

И меня хотели съесть!
Мои кошечки, – пантеры...
Но лишь вы, – лишь вы богиня;
Вы, – все то, что небу нужно;
И что только в мире есть.

«Черная нитка на белой простыне...»

Черная нитка на белой простыне
Руки холодные... ну же, – ко мне;
Жадные пальцы... Как хочется, хочется
Вдруг оказаться в далекой стране.

И закружиться снежинкою легкою
В небо маня... за собой, за собой,
Бледным туманом и дымкою легкою...
Или еще как, играя с судьбой.

Пробуя ощупью у края пропасти
Как одиночество темное льнет,
Словно одежда безумно и ласково
Вслед за собою из бездны зовет.

Черная нитка на белой простыне.
Демон какой ее здесь обронил?
Я протираю глаза удивленные
Спротивляться зиме, – я без сил.

Холодно в сердце, змея моя ниточка,
Прямо сквозь сердце проходит река
Льдами закована вечно холодное.
Завтра, – умру! А пока, что... «Пока!»

«Вороньем стали черные тучи...»

Вороньем стали черные тучи
И огонь пал на землю с небес
Неужели вот так приходит
Чудо в мир, где нет больше чудес?

Оставляя последние силы
Улыбаясь в горькую тьму,
Словно я у края могилы...
Холод сердцем своим обниму.

Как прощальная песня снега
Для того, кто замерз и ослеп, —
Это странная страшная нега.
Этот мир настолько нелеп?!

А огонь летает... летает
Словно птиц этих черных печаль,
И зима меня не отпускает
В безупречно застывшую даль.

И березы белые, – голы.
Только ели поют на ветру...
Все пройдет, – и тоска растает,
Как и белый снег по утрам...

Или станет еще холоднее.
Да в конце-то концов, – Бог с ним!
Где темно... там будет светлее,
Только разве мы света хотим?

«Белыми крыльями... снежными крыльями...»

Белыми крыльями... снежными крыльями
Полночь поет в моем сердце больном;
Темными крыльями... страшными крыльями
Смерть говорит о смятении былом.

Остановилось не время, а полночью
Сердцебиение утратило... пыл,
Словно вокруг пустоты даже не было;
Словно и я никогда не любил.

И улетела не к звездам сознание, —
Стало лишь горстью земли и воды
Все обретенное вмиг мироздание
Не замечает ни слез, ни беды.

Просто хранят эти руки свет ангелов,
Просто звезда, – в небесах, лишь одна;
Только потом... после полночи таинства
Даже она не видна... не видна.

«В зазеркалье, где вы со мною...»

В зазеркалье, где вы со мною
Дождь из звезд играет Луною;
И кружится в полночном танце
Белоснежная ночь-метель,
И огнем что греет и жалит;
И бросается снегом вам в ноги
Я бы стал, если это возможно,
И свою застилал бы постель.

Хрусталем звенит мое сердце
Ваших рук пленительным танцем,
Я не думал, что так прекрасно
Может быть зимой все вокруг...
Только снег, – он танцует, танцует
И ложится легко вам в ноги...
Ну а я бреду, одинокий
По дороге Луны печальной
Будто тело мое заключили
В бесконечный порочный круг...

«Время течет сквозь пальцы...»

Время течет сквозь пальцы.
Время, – просто песок.
Вот и Адам уходит
С Евою на восток.

Рай оставляем вместе!
Призрачна тень Луны...
Нашей первой невесте
Не нужно ни слез, ни страны.

Боль, и на сердце рана,
Только не быть тоски, —
Все мы пришли из тумана;
Все мы канем в пески.

Светлое Солнце встанет
Каплей огня среди небес;
Только печаль с нами станет,
Тенью райских чудес.

Но не Господь не оставит
Слабых детей своих, —
Мир превращая в игрушку
Ночью, и для двоих.

И перед самым рассветом
Еве скажет Адам,
Будь моим первым светом...
Тебе, – жизнь свою отдам!

«Вдыхая снег, как кокаин...»

Вдыхая снег, как кокаин
В глаза не заглянув ни разу...
Я верил вечность, – я один,
Не доверяя тайны сглазу.

И ночь со мной была тепла.
Я говорил ей, что не смею,
Люблю лишь остроту стекла,
А жить, увы... я не умею!

Ну а она, – теперь зима!
Поверь мне, милый глупый мальчик
И я с тобой, – с тобой одна...
Что значит этот белый пальчик?

Ну как сказать ей, – я разбит...
Я вас придумал красной розой,
Но здесь лишь холод и мороз,
Навязанный печальной прозой.

А кокаин, и то вино
Осталось темное в бокале.
Что сумасшедшему глоток вина?
И странный танец в белой зале...

«Что человек? Всего вопрос...»

Что человек? Всего вопрос
О Боге, о бессилии, ... и любовь;
И не найти увы ответа,
Когда ты прах и память, что есть кровь.

Горелый воздух, тьма... и только точка, —
Нам говорили мы и есть смысл бытия!
Но почему моя печаль, как строчка,
А вы, — ну почему вы не моя?

Вопрос не задан и ответ не виден
Ну почему не реки, — и не вспять?!
Кому-то этот стиль почти обиден...
Как размышлять о горести, — опять?!

Да, только так. Не может быть иначе
Кому-то пряник, а кому-то плеть.
Ответа нет для не назначенной задачи, —
Кому-то падать, а кому терпеть.

Что останется?

«Я не более, чем животное,
Кем-то раненое в живот.»
М. Цветаева «Поэма конца.»

Кто вас ранит в живот,
Мой ангел,
И при этом не будет распят?
Восклицают на небе звезды:
«Свят!» «Свят!» «Свят!»

Кто заставит вас удивиться,
Или скажет лишь трижды:
«Любовь!»
Открывают снежные очи
Херувимы мои, —
Вновь...

На руках, – печати рассвета;
Под ресницами...
Спит огонь,
Что летает алыми птицами, —
Только тронь.

А вы думаете, что раны
Это просто,
Как в спину нож?
Никому незнакомые страны...
Врешь?
Ждешь?

Вот в руках, – утонуло Солнце, —
Луч зари.
И по струнам созвездий, —
Звезды.
Фонари!

Не цветок увядший распустится
В час ночной
И безвольные руки опустятся, —
Красотой.

Чистотой вашего взгляда,
И небес чистотой!
Ароматами райского сада...
Высотой!

Ваших губ
К преклоненному алчущих
И навстречу идущих снам,
Так, – подобно Светлому Господу,
К чудесам.

Ангел мой,
Мое чудо чудесное,
Словно крик
Онемевший Луною полночи, —
Слаб язык.

В этой истине много странного,
Но когда?
Звезды рухнут
С неба распятого, —
Навсегда!

Или губы останутся сказками.
Искушенных ваших свечей;
Или спустятся воска каплями, —
Горячей...

Может, думать,
Что много можно,
Но и нельзя?
Откровенно сложнее сложного
Тьмой скользя.

Опускаться! И падать ласками
Ваших ног
Может самыми сладкими сказками
Только Бог.

Вы не знаете
Как безумие, или бред
Исполняет все,
Что задумано, —
Вам след в след.

Что останется?
Что достанется, мне?
Губы ваши
И взгляды жаркие, —
В стороне.

Но проникшие чистым облаком
В этот мир,

Заключенные магом-призраком
В мой эфир.

«В туманном сладко-пряном дыме...»

В туманном сладко-пряном дыме
Смеялись клоуны... а вы,
За столиком сидели молча
И пили золотой коньяк.
И чей-то взгляд покорный мраку
Следил за вами осторожно,
Так выбирает свою жертву
Безумный радостный маньяк.

Он здесь давно уже... и пьяный;
Его глаза скользят, как тени.
Он ожидает вас, убогий...
Давно готовый умереть,
Чтобы смотреть на капли крови;
И руки ваши нежно гладить.
На расстоянии столь близком,
Что можно... целовать и петь.

Он ждет, когда вы удалитесь
Забыв на столике перчатки, —
Потом следит за вами дальше
По подворотням и дворам.
Он вас не долго изучал,
Но знает все ваши повадки.
И знаете, – он уверяет,
Что приготовил счастье... вам.

Нет, он конечно сторониться
Людей, и их не замечает.
Он осторожен! Осторожен!
Не видит, кто за ним следит.
Соединить любовь и смерть, —
Финал подобный невозможен.
А вы не верите, что он
За вами только и бежит.

И когда вдруг, замедлив шаг
Вы обернетесь... так, случайно.
Быть может, испугавшись ветра,
Иль эхо тихого ответ.
Вы не увидите его,
Но ощутите его пальцы
На вашей тонкой белой шее...
И вот, померкнет белый свет.

А тот другой бледнее мела,
Вдруг остановится не смея, —
Не смея двинуться, и крикнуть.
Да только, что его любовь?!
Но тело мертвое держать,
И оживить из бездны тлена
Способен только голос страсти,
И чистая как небо кровь.

И тот маньяк, и тот безумец
Они достойны, – сожаления?
Пред ними ангелы бы пали,
Когда они могли летать.
И в наслаждениях сладкой плотью.
Они быть может бы посмели
Не видеть бездны их призвавшей,
И только о любви... мечтать.

След моей неразбавленной горести

Вы не видите?!Рядом с вами
Греют крылья ангелы белые,
И тепло вдыхая губами
Станут вдруг росой на цветах;
И паря как будто над пропастью
Рядом с вашей чистой наивностью, —
Не наивностью, а безгрешностью...
Слыша вдох мой последний: «Ах...»

Над последней строчкой написанной
Властны тайны, и то что не сказано.
Только думать об этом не поздно ли,
Когда кончилось время снов?
В этих таинствах не разгаданных
То что было когда-то предсказано
И совсем нет более истины
Непонятных несвязанных слов.

А пройдет, или нет, — что за глупости?
Белых ангелов крылья легкие,
Рядом с вами танцуют,
Как вестники моей темной безумной любви.
Принесут вам морозы первые
След моей невозможной наивности,
След моей неразбавленной горести, —
Мои розы... в моей крови.

«Ну разве женщине, дано понять...»

Ну разве женщине, дано понять
Огонь души, утопшей в декадансе?
Ах, как же хочется любить,
И более того, – любви!
Какой-то кровью написать
Как падают устало капли;
Как в тишине из тонких звезд
Идут капризные дожди.

Вам, право, не нужны слова;
Не нужен яд, и муки страсти.
Вы, право, так увлечены
Ни тем, ни этим...
И не мной!
Но я безумный, и слепой
Лишенный темной странной власти,
Лишенный сладкого тепла
Нетленной вашей красотой.

И чистотой снежинок белых;
И высотой безмолвия неба
Не ждущий ни глотка, ни хлеба;
И постоянной тишины.
Но угасающий во тьме
Я не прощенный, – не наказан,
И никогда не сознающий
Всей глубины своей вины.

Зачем вам рвать мне плоть на части?
Зачем, дышать холодным дымом;
Моей тоской неизлечимой,
И ощущением зари?
Я на своей пустой аллее
Лишь сон, утопший в декадансе
Поранил, так неосторожно, —
Разбивший руки, – фонари.

«Моя белая богиня...»

Моя белая богиня,
В тайнах снов и предсказаний
Я вас встретил... и увидел, —
Неожиданно узнал.
Вы вошли мне в кровь и в сердце,
И открыли двери в небо;
Где я, – вас тогда не зная, —
Крылья черные сломал.

А теперь белее снега
Мои крылья, —
Я, как птица! И они прочнее стали
И нежней, чем шелк одежд
Тайно сброшенных под ноги,
Когда ангелы целуют
Ваши сладостные стопы
Мой рассвет, —
Мой идеал!

И покоя я не знаю.
Мне и сон, – пусть, станет явью.
Заклинаю, заклинаю...
Словом, жизнью и душой
Отворите это небо!
И позвольте пасть мне
Рядом...
Далеко и очень близко
Перед чистой красотой!

«Вы не слышите, как я дрожу?..»

Вы не слышите, как я дрожу?
А мне кажется, – вот рухнут стены!
И огонь запыхает вокруг;
Хлынет красная сердца кровь.
Вы не слышите, как я дрожу?
Как пульсируют страстью вены...
Мне когда-то давно сказали:
«Так приходит в мир грешный, любовь!»

Если б мог на колени я стать
И молить вас, как молят Бога!
И поднять без страха глаза,
Словно к Солнцу... к лику икон.
Будто путник пришедший в мир,
Вдруг узнал, что его дорога
Привела его в теплую ночь,
А любовь, – это сладкий сон.

Пусть же рухнут стены, и небо!
На меня навсегда, огнем света.
Посмотрите, ведь я сгораю;
Или мне, так должно сгорать?
И дрожат мои взгляды и руки
В ожидании счастья рассвета...
Но лишь только, вас не увижу
Буду верно, – готов умирать.

Жить не дыша

Светлые тени скользят по холодной стене.
Темные ангелы не забывают молиться,
Даже среди вечного мрака на огненном дне.
Я прихожу, а стоило бы удалиться...

Из вечных будней и слез, и проблем ни о чем и на;
Из сладких сказок, которые ложь и туман, —
Все это только остатки души... только бремя;
Все это долгий ненужный бесцельный обман.

Темные ангелы, знают о чем я пою.
Светлые ангелы... молча расправили крылья,
И полетели навстречу тому кораблю,
Чьи паруса не наполнит ветер бессилия.

Медленно-медленно в такт бесполезных минут,
Прожитых в бездне уныния и равновесия.
Нас проклянут, а может быть помянут
В облике масок, заученных слов как форм мракобесия.

Но разлетаясь кусками фронтальной реальности,
Пробуя вкус бесполезности, – что там душа,
Плачет навзрыд от безысходности, или банальности...
И над любовью склоняется, пробуя жить не дыша.

Мечты безумного шляпника

И окончатся все слезы;
И расцветут цветы огня;
И темные от крови розы
Вдруг станут ночью... для меня.

Луна взойдет и красным цветом
Окрасит новый горизонт
Дождем из звезд перед рассветом,
Падет на ваш раскрытый зонт.

И по тропинкам из бумаги
Мы в зазеркалье попадем;
И обогнем сто раз овраги,
Но все же в бездну упадем.

И полетим, расправив крылья
Навстречу сумрачной заре,
И вы... сгорая от бессилия
Проснетесь в кроличьей норе.

Безумный шляпник в рифму скажет,
Как вы прекрасны и нежны.
Ах, кто ему теперь откажет...
О боже мой, мы все грешны.

Вы улыбнетесь, ваши руки
Он поцелует, – так, легко!
И мирно тикавшие звуки,
Вдруг заиграют, далеко.

Безумный шляпник прыгнет в небо,
А кролик дальше побежит.
Ах, это небо! Небо! Небо,
Оно у ваших ног лежит.

Ослепленный поэт

«Лиру положили в лучшей зале,
А поэту выкололи очи.»
Николай Гумилев.

Он пришел, чтоб увидеть раз, —
И ослепнуть!
В глубине ее глаз
Страсть и свет.
Он пришел, чтоб увидеть раз, —
И ослепнуть!
Как поэт раб ночей...
И рассвет.

Он пришел песни петь
На коленях:
О тоске, о любви, о рабах.
Он смотрел, как горят
Свечи... в тенях;
И искал страсть и боль
На губах.

И когда ночи тьма
С ней на ложе...
Золото тронул струн, —
Как поэт, —
Раб, ласкал! Раб ласкал ее очи...
За него... Но не он!
Тьма и свет!

И царица ему не сказала,
Что из глаз у него
Кровь бежит.
Обессиленно перед ним возлежала,
Только он перед ней,
Вновь... дрожит.

«Я не хочу менять мечты...»

Я не хочу менять мечты
На что-то меньшее по смыслу.
Я не хочу дарить цветы
Тому, кто недостоин их.
Без вас я меньше, чем ничто!
Без вас, я жизнь свою не мыслю.
Но пусть не будет ничего,
Коль ваше сердце не со мной!

Я пробовал любовь на вкус, —
Она горька и безотраднa.
Но вы, – вы вечный идеал;
Искать другой не лень, – а стыд!
Я требую от вас любви...
Я требую! Легко и жадно,
И мне, поверьте, все равно
Как это выглядит на вид.

Я требую от вас тепла.
Его я знаю, не достоин...
Оно не мне принадлежит,
Но если я у ваших ног, —
Я не хочу менять мечты
На что-то меньшее по смыслу.
И если я не отступлюсь, —
Я верю, – мне поможет Бог!

«Да, на сердце глубокая рана...»

Да, на сердце глубокая рана...
Вы ее лечили улыбками,
А теперь я в объятиях тумана
Окружен беспросветной тьмой.
Неужели все так окончилось?
Вы наверно, меня... ненавидите.
Ну а я, безумный в унынии
Вас считаю, как прежде святой.

Вы моей никогда не будите.
Отвернетесь? Уйдете?... Спрячетесь?
На меня с презрением посмотрите,
Или хуже еще, – с пустотой!
Я печальный, убогий, бледнеющий...
Просто напросто умирающий
Перед вашим ясным сиянием,
И возвышенной чистотой!

«Принесите мне в ладонях...»

Принесите мне в ладонях,
Хоть и горе.
Ваши взоры, —
Это море! Море! Море...
Не любите!
Проклинайте! Проклинайте!
Только глаз не отводите, —
Не пытайте.

Вы отвергните меня, —
Знаю.
Упаду я... упаду...
И страдаю.
Декаданс горит в душе
Спичкой,
Как измученным стихом...
И привычкой.

Не сердитесь на меня,
Ради Бога!
Так трудна в зеркалах
К вам дорога.
Там... темно, —
Так легко,
Заблудиться!
Только, ну же зачем
Вам сердиться?!

Я ребенок, – не могу...
Вам ответить
Неужели, теплых глаз
Уж не встретить?!
Неужели не услышать
Голос светлый...
Что ж терзай меня,
Терзай...
Луч рассветный.

И не любите

– Вы... жестоки!
– Жестока?!
– Почему мне не дарите свет?
Милый ангел,
Я помню как сладок
Ваших пламенных губ рассвет!

– Вы грустны? Вы сердитесь?
Право, в моем сердце ад,
И отрав...
Я повинен в том, что
Мне грустно;
А в душе без вас
Страшно пусто.

Не казните меня, —
Не казните!
Улыбнитесь, ...
И не любите.

Уже не спасет?

Ни слова! Ни слова! Ни слова!
Пустая зима в окне...
И снова, и снова... и снова,
Я вижу тени в огне.
Холодный, голодный ветер;
И белый бесцветный дым,
Мне больше не наслаждаться
Голосом вашим святым.

Ни вдоха! Ни вдоха! Ни вдоха!
Я опущу глаза
Как странно, и так немного
Играла с сердцем гроза.
Укроют темные дали
Бред одинокой души, —
Не будет ни нового утра;
Ни новых волнений в тиши.

Не будет добра и света.
Останется темная ночь
В которой лишь страшные звери
Придут, чтобы мне помочь.
Не ваши святые губы,
А просто слезы и дождь, —
Когда ничего не надо,
Когда ничего не ждешь.

Ни слова?!Ни слова?!Ни слова?!
Лишь ржавый в ладони гвоздь...
И снова... и снова, и снова
Печаль проходит насквозь.
Объятия сна и муки;
И белый снег, – пустота.
Холодные мертвые руки
Уже не спасет красота?

Здесь со мною

Что любовь? Всего лишь обман!
Что мне жизнь, без ваших улыбок.
Сумасшедший я... наркоман,
В мире полном глупых ошибок.

Тишина. Тишина. Тишина!
Почему бы вам не ответить
Это Солнце или Луна;
Что в пустыне могу я встретить?

Как же холодно не любить,
И признать себя побежденным.
Ну скажите, зачем мне жить,
Темным мраком навек заклеянным?!

Вы мне скажите, где Луна
Из окна так тихо смеется...
Мне она теперь не видна, —
Здесь со мною лишь боль остается.

Последнее акме

Потом полюбить кого-то еще, —
И на расстрел;
Я в этой жизни пожить, —
Успел.

Сколько видал.
Сколько нашел, зря?
Знаешь, каким бывает рассвет...
Заря.

Знаешь, зачем я уйду?
Вдаль.
Просто в глазах
Вижу тоску.
Жаль!

Гордость при чем?
Это всего...
Любовь!
Вот вам флакон, —
Соберите в него,
Кровь.

Ей передайте в пряных духах
Цветы.
Я не виновен!
Я не предавал,
Мечты...

«Разве вы не видите, я бледен...»

Разве вы не видите, я бледен.
Мои тени, и осколки тьмы
Могут ли вас оскорбить хоть чем-то,
Чтобы вдруг, не улыбались вы?

Да, могу я вас представить и жестокой.
В этом ли я буду виноват?
Для меня весь мир наполнен злобой.
Для меня, – без вас, – вокруг лишь ад.

Мне так холодно! Я оттого играю
Призывая муку, яд и кровь...
Ах, помилуйте, ведь я и так страдаю;
Обвиняю сам себя, – и за любовь.

Вы ведь ангел! Вы читали мои мысли.
Вы же душу видите, насквозь!
Неужели вам-то непонятно
Как я черен, – потому что... врозь!

«Когда-то я был печальным...»

Когда-то я был печальным.
Когда-то я был глухим, —
Не знал, как звучит ваше имя
И мир был безумно пустым.
Когда-то искал я Солнце
На самом глубоком дне...
Но вы, мой ангел рассветный,
Вдруг улыбнулись мне.

И понял я, жизнь, – это сказка;
Или вернее, – сон:
Губ ваших теплая ласка...
И откровенный стон.
О, совершенство линий
Ваших чарующих рук,
Созданных лишь для пыток
И абсолютных мук.

Сердце мое охватит
Жаркий поток огня.
Милая моя, хватит
Смертью пугать меня.
Что мне бояться смерти?
Я ведь не беглый раб,
Но перед вашим взглядом
Я беззащитен и слаб.

Сладкие ваши губы
С запахом красных роз...
Я лишь глупый мальчишка,
Что мне этот мороз?
Лишь бы душа горела,
Вспоминая о вас!
Лишь бы тонуло небо
В глубине ваших глаз!

Я прошу

Вы не Галатея, а Лаура...
Это в чем-то иронично и печально.
Ваша совершенная фигура,
Словно свет, – тепла, и изначально.

Вы... источник смерти, или жизни;
Вы... ворота рая, или ада;
Самая безумная надежда,
Самая желанная награда;

Солнца свет, и тьма из преисподней;
Жар огня, и ветер нежной муки;
Дар блаженной милости Господней, —
Плод греха упавший Еве в руки.

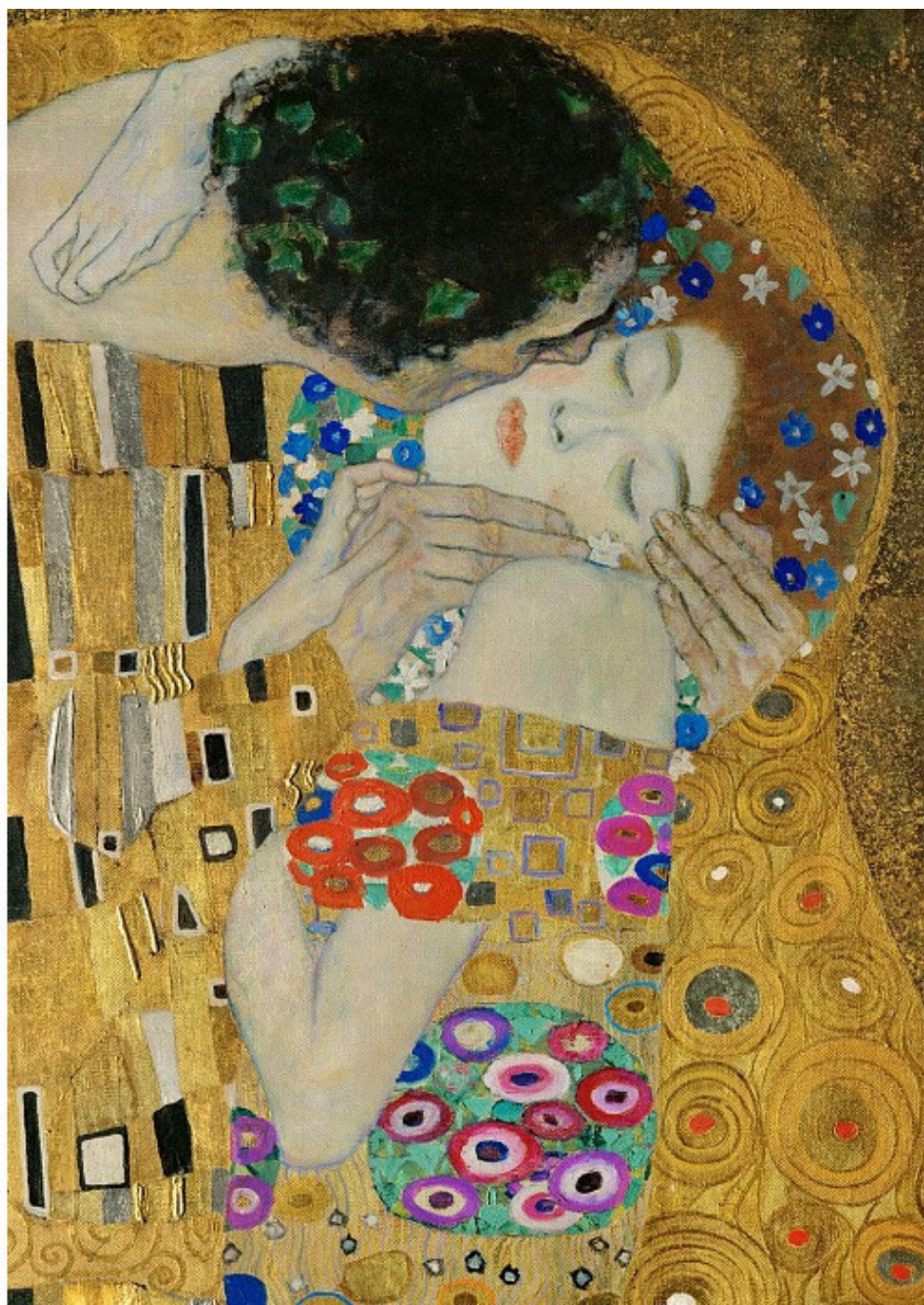
Ваши взоры, – сумасшествия напитков,
И прозрение для мертвеца слепого.
Я прошу, – еще немного... пыток!
И еще... тепла, – тепла живого!

Темное облако

Я могу вас назвать, – моя милая!
Я могу вас назвать, – моя нежная!
Лишь свечей тоскливо сияющих
Мне для вас не зажечь в эту ночь.
Как мне хочется видеть сияние
Ваших глаз меня восхищающих.
Как мне хочется поцелуями
Вам безумными... но помочь.

Провести вас в леса хрустальные
Где поют голоса замерзшие;
Где склоняются белые ангелы
В чьих глазах пустота высот.
И звучать колокольчиком тоненьким, —
Пьяным голосом тихим ласковым;
Пить напиток небес возвышенных
С пальцев ваших как мед из сот.

Я могу вас назвать, – как мне хочется!
Я могу вас позвать. – не ответите!
Лишь блеснете улыбкой утренней.
И молитв вам не слышать моих.
Одиночество, – не спасение!
Одиночество, – это облако
Оно темное и беззвучное
И на нем вовсе нет... двоих.

Кто-то...

Мне в рукав заползла мышка.
Кто-то вас назовет, – малышка...
Поцелует вас в тонкие плечи,
И погасит волшебные свечи.

Кто-то вас обнимет, украдкой.
Назовет вас, – нежной и сладкой.
Поцелует вас в страстные губы...
Ах, мои желания, так глупы!

С кем-то вы... игривая мышка.
У кого-то в глазах, – вспышка;
У кого-то в руках... ваши руки.
Ах, со мной засыпают, муки.

Кто-то тронет вас тихо дыханием;
Обернется вашим... сиянием.
Вам посмотрит в глаза, – я знаю.
Ах, зачем я ночью страдаю.

Ах, любовь! Озорная мышка,
Почему мне не звать вас, – малышка;
Не кусать за сладкое ушко.
Ах, поверьте... я ваша игрушка.

Меч самурая

Ваши губы, – меч самурая,
Приготовленный для сеппуку.
Он окрасится ярко-красным,
Поглощая горькую кровь.
Госпожа, прошу вас, примите
Как возможно принять награду, —
Мою смерть, и мою любовь!

Ваша шея, как рукоятка.
Она гладкая, словно море;
Словно ваши нежные очи, —
Их загадочный теплый туман.
Погруженная в мое тело
Без надежды, и без остатка...
Госпожа, прошу вас, поверьте
Моя мука... никак не обман.

Ваша грудь, как последние вдохи!
Я виновен! Я это признаю.
Обвините меня... обвините!
Я в туман молчаливо уйду.
Мне так сладко! Так больно...
Так больно!
Я веду аккуратно рукою,
Словно лаской по вашей коже
В совершенном чудесном бреду.

«О белом снеге я подумал ночью...»

О белом снеге я подумал ночью.
Я представлял, как он кружится над землей;
Как падают снежинки в ваши руки,
И отзываются небесной тишиной.

Темно и тихо! И не дрогнут звезды.
Не закачается капризная Луна...
А знаете, мой мило спящий ангел,
По моему, Луна в вас влюблена.

И мое сердце вздрогнет, и затихнет.
И пропастью откроются глаза, —
Я буду представлять вас близко-близко,
Смотря в окно на эти небеса.

«Я слишком поздно повстречал вас на пути, ...»

Я слишком поздно повстречал вас на пути, —
Уже, когда почти устал влюбляться.
О Господи, прости меня... прости.
Вы не моя... не смею и пытаться.

Зачем же я был вами опьянен
Как мальчик, что не знает большей муки?
Скажите мне, зачем же я влюблен
В такие ваши... ласковые руки?

В тот ветер, что играет в волосах
И так желает, — хоть на миг, — остановиться
На ваших страстью огненных губах?
В которые, — как можно, — не влюбиться!

Позвольте, я безумием объят?
Уж лучше, мне ослепнуть... и не видеть!
Уж лучше был бы я в своем аду распят,
Когда бы мог, хоть чем-то вас обидеть.

Солнца цветы

Лепесток... лепесток.
Кровь, – клубничный сладкий сок
С языка на язык.
Крик!

Белый снег... белый снег.
Опьяняет чистый смех, —
На пол тона выше.
В тон...
Стон!

Солнца свет... Солнца свет.
Никого больше нет,
Кроме сказочных глаз, —
Вас!

Зеркала... зеркала.
На траве, – не трава.
Это Солнца цветы, —
Вы!

Облака... облака.
Как огонь и река;
Как вода, – на язык.
Крик!

Небеса... небеса.
Там где плоть, – там душа.
Пал вам в ноги дракон...
Стон!

«Мне лишь думать о вас, как о Солнце...»

Мне лишь думать о вас, как о Солнце
И не видеть света вокруг, —
Так легко так приятно... так просто!
Как надежда на чудо: «А вдруг...»

Мне не нужно иного рассвета,
Чем рассвет ваших сказочных глаз
В мире нет ни тепла, ни сюжета...
Кроме вечной муки, без вас!

И Луна так темна и печальна;
И все звезды, – призрачный дым!
Лишь тоска одна изначальна,
Когда небо здесь было... иным.

А теперь оно выше, и выше!
От того лишь легче летать,
И для вас свою душу ветру
Навсегда как мечте, отдать?!

«Брошь из капелек воды под ногами...»

Брошь из капелек воды под ногами,
Словно тайные следы перед нами;
Словно звезды в небесах, – пали;
Под покровами воды... дали.

Их соткал из полной тьмы князь рассвета
В них запутались шаги его света;
В них осталась его суть, и морозы;
Его первые шаги, словно грозы.

Бриллианты теплых снов; нежность взгляда
В тишине коротких слов его ада;
В тишине картин зари, – звезды;
Под ногами капли слез, – розы!

«Приснитесь мне небесной королевой...»

Приснитесь мне небесной королевой,
Такой, как снились вы мне помнится вчера,
Когда вы были моей утренней вселенной, —
Простором для раздумий и пера.

Останьтесь милым облаком на небе
Где я когда-то вас запечатлел:
Такой прекрасной... невозможно ясной, —
Огнем костра, что в сердце моем тлел.

Где взять мне столько страсти, столько неги,
Чтоб волшебство наполнило меня
Чудесной сказкой о пушистом теплом снеге,
Что закружится тая... и любя!

Для ваших глаз, я сердце сделаю рубином;
Для ваших рук, – соцветием алых роз.
Приснитесь мне небесной королевой.
Придите ангелом, сквозь тьму... и сквозь мороз.

Очи змеи

Змеи питаются тем, что давно погибло.
Люди живут надеждами, и мечтой
Только увы наслаждаться дано нам редко,
Или сказать: «Идемте, идемте за мной.»

Змеи скрываются там, где никто не ищет.
Люди идут туда, где кто-то горит.
Если есть тьма во всех, кто рожден живущим,
Разве только тьма с ним одним говорит?

Слышите сердце стучит! И у змей есть сердце.
Очи мои, – очи змей и греха, и небес.
Мудрость моя, – это ветер и пыль поверьте.
Но посмотрите, ведь мрак так же ищет чудес.

Прячьтесь, скорее! Есть то от чего нам не скрыться.
Змеи питаются тем, что давно не живет.
Разве посмеет заря детям ночи открыться,
Что и она для вас мои песни поет.

Плачут ангелы

Этот дождь, – это плачут ангелы
По моей замерзшей душе.
Ах, как холодно. Ах, как холодно...
Я пятно в непонятном клише.

Я не знаю, как любят ближнего,
И не верю вечности мук;
Но я вижу светлого Господа
В каждом легком движении рук.

Ваши пальцы мне видятся звездами,
А в глазах к небесам мой путь
По которому с красными розами...
Я отправлюсь, когда-нибудь.

И замерзшее, – станет оттаявшим;
И из сердца ручьями, – кровь!
Плачут ангелы. Плачут ангелы.
Дождь мою ощущает любовь.

«Вы... в холодном колючем дожде...»

Вы... в холодном колючем дожде,
Как свеча, догорев без остатка
В моем долгом запутанном сне, —
Так нежна! Так волшебна! Так сладка!

У последней звезды нет силы,
Но она продолжает светить,
Словно я у края могилы
Пожелал вас... до дна испить.

Ваши губы теплы. Нет, жарки!
Мои грезы, – талая кровь
Я желаю вас до безумия, —
Я желаю... вашу любовь!

Капли яда, и капли зноя!
Расскажите, как холодно мне.
Я не знаю, что это такое
В моем долгом запутанном сне...

Обвиняйте меня. Обвиняйте!
В том что я может болен и слаб.
Убивайте меня. Убивайте!
Ведь я ваш самый преданный раб.

«А вы ведь тоже, улыбались?!..»

А вы ведь тоже, улыбались?!
И вам, хотелось рассмеяться?!
А я, как глупый, – как младенец, —
Едва свой сдерживая смех...
Старался, только б не взорваться;
Не превратиться в белый снег.

Мне было благостно и дивно.
Я безотчетно веселился,
И даже там, где нужно плакать
Совсем забыл, про горечь слез.
Я любовался, любовался
Звездой снов моих туманных,
Как будто... лепестками роз.

А вы?! Ведь тоже улыбались!
Ах, знать бы мне, что это значит, —
Я был бы выше звезд, и Солнца.
И мог смотреть на вас, смотреть...
Такую чистую, святую
Прекрасную звезду рассвета,
Ласкать безмолвным тихим взглядом
До безнадежности мгновений,
И умереть. И умереть!

«Зачем вам знать, насколько я безумен?..»

Зачем вам знать, насколько я безумен?
Мой голос слышит лишь во тьме мой светлый Бог!
Зачем вам знать, насколько я печален,
Не смея пасть рабом, у ваших ног?!

Мои стихи: песок, иллюзии, обманы;
В них ангелы вкусили кровь Христа;
В них белые холодные туманы,
И капля яда после долгого поста.

В них только вы, как розы... и как слезы!
В них только я, – подонок, и мертвец.
Какие это сладостные грезы!
Разрушить их для вас пустяк. И вот, конец!

Не смейте! Слышите я говорю, – не смейте!
Разбейте сердце мне; продайте, как раба.
Мечты о вас лишь только, пожалейте!
Не опускайте их в пыль хладного гроба...

Хотите голову мою, и мое сердце?!
Хотите плоть мою, разрезать... словно хлеб?!
Для вас я просто призрак неразумный.
Для вас я глуп, напыщен и нелеп!

Не могу жить, не любя!

Я увижу вас? Увижу?
Теплым облаком волос.
Я услышу вас? Услышу?
Ароматом красных роз.

Я узнаю вас? Узнаю?
По небрежности шагов.
Я познаю вас? Познаю?
Как любых своих... врагов.

Я отвечу вам? Отвечу?
По изыску теплых рук.
Я отмечу вас? Отмечу?
По желанию долгих мук.

Я признаюсь вам? Признаюсь?
Что давно забыл себя.
Я покаюсь вам? Покаюсь?
Не могу жить, не любя!

«В пурпурных одеждах зари...»

В пурпурных одеждах зари
Кружились белые снежинки...
Вы мне не снились...
Мне не снились!
А я молил вас...
Так молил!
Быть может вы меня забыли;
Быть может, где-то заблудились.
Моя кровать, – мой саван смерти!
И холод всех пустых могил.

Вы не пришли в мой сон озябший.
Наверно просто... мне не спалось!
А может молчаливо умер,
Я в этот раз...
Я в этот раз!
И в сердце кроме злой зимы
Огня почти что не осталось.
Лишь тени светлого рассвета,
И сотни фраз.

Ах, это горько...
Это горько!
Разлука, – вечная разлука;
Уж сколько прожито мгновений...
Уж сколько ран нашел свой нож.
А сердце все еще болит, —
В нем жизнь, и смерти не осталось
Какая мука. Мука? Мука!
И тела дрожь... и тела дрожь.

Такой желанный рассвет.
Я заплакал бы, только нечем.
Мое сердце от счастья бьется,
Ваших глаз плененное светом,
Дрожь не может никак унять.
И на миг задержавшись краткий, —
Эта ночь... перед новым рассветом.
Кто придет за мной в темный холод,
Чтобы нежно меня обнять?

Может, мне ничего не нужно
От бессмысленной грешной жизни;
Может смерть, будет избавлением
От попыток вечно страдать?

Никому не отдам эту муку, —
Верить; знать, что все бесполезно;
И в ночном полумраке страсти
Вновь и вновь невозможность желать.

Для кого-то вы просто счастье!
Для меня, – мечта вас увидеть...
Прошептать ваше сладкое имя,
Ощутить его вкус и цвет.
Я во мраке бездонной ночи
Остаюсь, как узник надежды,
Понимая, – не видеть больше
Мне, такой желанный рассвет!

Пел безумный маг

Рассыпались стальные зеркала
От вашего единственного взгляда;
И в сердце, ярко вспыхнули огни
Безумия и сладостного яда.

И я уставшими губами к вам приник,
Как будто к роднику, или к святыне...
И онемел болтливый мой язык;
И оказался я в расплавленной пустыне.

И ветры в руки потекли мои,
Чтобы наполнить плоть гнилую, страстью!
Я падал, но восстал как древний бог
Исполненный безмолвной темной властью.

Осколки, кровь мою впитав, упали вниз.
Пески поили влагою раскинутые руки;
Моря небесные чудесных ваших глаз
Смирили душу... усмирили муки.

Горело, сердце! Пел безумный маг,
Познавший в зеркалах свою царицу.
Он с каждым мигом таял, как туман...
Но не хотел. Не мог, остановиться!

«Полупрозрачные шелка стекались пламенем на землю...»

Полупрозрачные шелка стекались пламенем на землю;
Стелился тонкий сладкий шлейф, как теплый призрачный
туман...

Я перед зеркалом во тьме любые истины приемлю,
Когда вокруг холодный дым, – когда все сущее обман.

Небрежный голос, тихий шорох скользящего по полу платья
И губы жаркие открылись желая нежно говорить.
Исходит ясный яркий свет, и ангел Божий от распятия...
Любовь есть свет Его живой, – любовь и значит, вечно жить.

И трудный путь, где кровь меняет смерть на муки;
И каждый шаг до вас, и каждый миг, – не зря!
Но полночью окрашенные мраком Солнца руки
Мне каждый день твердят: «Заря... уже заря.»

Нет, я не сплю, лишь душу сны терзают!
Нет, я не жду... ненужно вовсе ждать;
На небе звезды, ангелы и облака рыдают,
А мне уже пора, – пора мне... умирать.

На костре

Она так бела...
Так небрежно-нежна.
Она непременно, княжна...
Или фея,
Сгоревшая вместе со мною
До дна,
Тогда еще теплое тело имея.

Я помнил костер
Выше неба и звезд;
Мне руки связали...
Какие-то люди.
Они мне сказали,
Что я чародей
Повинный в призыве иллюзий
И чуде.

И рядом со мною...
Почти на кресте
В огне слишком жарком,
И ярком... как Солнце.
Мы стали песком
На дне темной реки,
Сожгло нас палящее
Зимнее Солнце.

Она так бела...
Так небрежно нежна!
Улыбка из чистого
Белого снега, —
С ней сердце мое
Из огня оживет...
И тело напоит
Полночная нега.

В дворцовых фонтанах Версаля...

Мы встретились с вами. Давно,
В дворцовых фонтанах Версаля
Искрилась вода, как вино...
И ваши улыбки блистали.

Вам гладила пальцы ночь.
Мне, было до боли приятно
Смотреть, как вы броситесь прочь
От сказок моих неопятных.

И я был шутком короля,
А вы, – дочерью королевы.
Наверное, так и Адам
Не ждал своей первой девы.

Куда же? Куда же вы?!
Останьтесь, хоть на минутку!
Я буду рыдать, а вы...
Оцените мою эту шутку.

А может я брошусь вослед?
Шуту, (я помню) все можно.
И так жизнь, – бессонный бред,
Что даже жить невозможно.

В фонтане левиафан
Играет на флейте тонкой...
И голос ваш, тихий как ночь
Струною вдруг станет звонкой.

Но я не умею играть
На этой сказочной лире,
И вам придется признать,
Что скучны, все правила в мире.

Вот самый строгий король,
И тот не всегда во власти!
Опомнитесь, разве роль, —
Бежать от моей глупой страсти!

Нет! Вы бегите, – ведь я,
Люблю догонять желания.
В фонтане вода, как вино;
А брызги, – воспоминания.

И красная роза, и труп
Имеют единые корни...
Вкус ваших сладостных губ
И чистый источник горний.

Мы встретимся с вами! Давно,
В дворцовых фонтанах Версаля
Искрилась кровь, как вино...
И вы так томно вздыхали.

Нет... вы не скажите

Я чувствую волшебный аромат,
Как будто вы меня поцеловали, —
Как сладок этот вкус! Как горек ад,
В котором вы меня бы не узнали.

За что мне это счастье, – видеть вас,
И уходить безмолвно, безнадежно;
Тонуть в зрачках волшебных ваших глаз.
Но говорят ведь, – чудо, невозможно?

А как же вкус, и сладостный дурман,
Как будто близко-близко ваши губы?!
Нет... вы не скажите, что это лишь обман;
Пусть, я безумный, невозможный, глупый!

Не нужно слов, что я сошел с ума!
Я ваши губы... чувствую на коже, —
Их аромат преследует меня;
Ласкает на моем холодном ложе.

Какие ветры принесли его ко мне?
Не вопрошайте, я о том не знаю!
Улыбки ваши в сладостном вине.
Так почему?! Зачем же я рыдаю...

Свет страстей и безумных желаний

Вы смеетесь?! А мне уже
Ничего, – ничего не нужно.
Вы посмотрите на меня
Как-то странно... равнодушно.

Ах, зачем это все? Зачем?!
Ведь не мне Солнце ясное светит;
Ведь вокруг, так много проблем.
Разве кто, мою боль заметит?

Как же так?! Все святое, – игра?!
И не падает яблоко в руки.
Вам пора?! Вам... так скоро, пора?!
Я же просто умру, от скуки!

В отражениях власти нет, —
Только линии воспоминаний, —
Ваш далекий призрачный свет.
Свет страстей и безумных желаний.

«Я от женщин требовал многого...»

Я от женщин требовал многого
И теперь до конца не пойму, —
То ли вы в моих сладких фантазиях,
То ли я в вашем теплом плену.

Я желал, как всегда невозможного.
Так скажите, зачем мне любовь?
Ничего в этом нет в общем, сложного, —
Пить из уст ваших мед. Или кровь?

Сердце бешено билось, маялось;
А душа моя пела вам!
А душа моя, и не каялась...
И смотрела по сторонам.

Как отдать ее в руки нежные?!
Сердцем, – жаждущих накормить.
Грешен я, но кругом безгрешные.
Разве можно, таких любить.

Я от женщин требовал многого.
Только вы не сказали мне...
Меня слабого и убогого
Разве можно топить в вине?!

«Я представляю вас иной...»

Я представляю вас иной:
Неотразимо-удивленной;
Смеющейся, хоть надо мной;
И мною, здесь же ослепленной!

Я представляю, будто ад
Запутал тело ваше в сети...
А тот огонь, чем я объят,
Срывает все печати эти.

Еще хочу я видеть вас
Уставшим ангелом... цепями
Окованные крылья. Глас,
Летающий в бездну с небесами.

Я представляю вас иной:
Змеей; капризною царицей,
Играя плетью надо мной.
Так птицелов... играет птицей.

Я представляю, словно я
Посмел сорвать... ваши одежды.
И вы шепнули: «Я... твоя!
Оставь... теперь свои надежды!»

«Я опять посылаю письмо и тихонько целую страницы.
Не сердитесь за грустный конец и за слов моих горестный хмель»
А. Вертинский.

Неужели, вы можете знать
Отчего мне ночами не спиться;
Отчего я смущенно ловлю
Ваш небесный сказочный взгляд;
Или попросту слов не найду, —
Это ваши ресницы, как птицы...
Или даже презрение мне,
Самый сладкий и ласковый яд.

Неужели, вам хочется быть
Для меня... неземным идеалом;
Или попросту все забыть
Никогда не видя меня?
Знаете, ангел рассветов моих,
Как трепещет сердце от муки,
И дрожит в темноте ночей.
Тайно... вас, безумно любя.

И когда-нибудь в тишине
Вам поведают о печали,
Что пронзает меня насквозь,
И ведет в лабиринты.
Вы меня никогда, никогда...
Никогда, и нигде не встречали.
Ну а я молился, чтоб вы
Приходили в мой сон,
Как весна!

И только в сказку

Инфернальной осени грусть
Мою душу пьет из бокала.
Ну и пусть! Ну и пусть! Ну и пусть!
Она так никогда, не сверкала!

Солнца свет, или свет от звезд
Для меня, – только загадка.
Капли неба, и капли слез...
Мне не горько, но и не сладко.

Вы оставили мне тишину,
А на сердце, словно бы маску.
Для чего? Никак не пойму, —
Только верю, и только в сказку.

Инфернальной осени грусть
Размешала дождливую душу;
Может это последний дождь,
За которым не видно сушу.

Вы оставили мне рассвет.
Только он, как печальная сказка.
Помню только, как выглядит свет;
И какой нежной может быть ласка...

Под покровом черных крыл

Я почти уже забыл, как вы сладко улыбаетесь.
Я почти уже устал, – не осталось больше сил!
И однажды темным вечером, вспоминая взгляд ваш ласковый
Я усну в одно мгновение под покровом черных крыл.

Я останусь мрачным облаком этой осени тоскующей
Не пробьется Солнце светлое, через тень моих зеркал.
Одиночество зари, откровенно вас целующей
Я так долго в темноте представлял... дождем ласкал.

Я почти уже забыл, как вы сладко улыбаетесь.
Я не видел вас такой, – долгожданной и святой.
Только вы, мой ангел снов, никогда не изменяетесь;
В танце моих черных крыл, ослепляя чистотой!

Я бы скрылся, и расплавился; ликом стал свечей таинственных;
Представляя вас сгорающей, от моих безумных рук.
Ах, как сладко быть для вас искусителем единственным,
И сложить свои крыла под покровом черных мук...

«Самая сладкая сказка...»

Самая сладкая сказка
С самым нелепым концом, —
Полночи теплая ласка
Делит любовь с мертвецом.

Руки, – холодные крылья;
Теплые капли с небес;
Падают тени бессилия;
Пропасти глаз... и чудес.

Зеркало криво смеется,
Но не дрожит револьвер.
Ах, что еще остается
От этих тонких манер?!

Длинные ваши ресницы,
Так безупречно милы...
Черные птицы соблазна
Видимо, в них влюблены.

Пальцы, как иглы рассвета;
Едва заметная дрожь;
Выйдет из теплого света
Только безрадостный дождь.

Я так хочу, чтоб вы знали...
Но почему-то молчу,
Если бы вы мне сказали
То, что я только шепчу.

Зеркало криво смеется;
Выпал из рук... револьвер.
Как это вам удается
Быть выше всяких манер?!

Самая сладкая сказка
Ваших очнувшихся глаз.
Самая странная ласка
Пули, убившей... за вас!

Открытая, как небо рана

«Пусть хрустальный бокал и осадок на дне
Возвещают о дне наступающем мне,
Горьким это вино иногда называют.
Если так, – значит истина скрыта в вине!»
Омар Хайям.

И чаша с горестным вином
Наполненная сладким ядом,
Напоминает о ином
Своим туманным нежным взглядом.

О той загадочной стране,
Которая могла лишь сниться
Кому-то темному, – не мне, —
Где в небесах летает птица.

Она кричит и темный страх
Пронзает разум слабый бедный
И понимает прах, – он прах
Обычный... неживой и бледный.

Зачем в него вдохнули жизнь?!
Зачем заставили скитаться?!
Нам утверждали: все, – есть смысл.
Но разве есть за что сражаться?!

Мечтать и видеть в темноте.
Иллюзии погибнут... рано!
А в чаше яда, как во мне, —
Открытая, как небо рана.

«И все таки вы, – моя! Моя опечатка, строчка...»

И все таки вы, – моя! Моя опечатка, строчка;
Как капля дождя со страниц, упавшая вам на грудь;
Распятая мертвой тьмой изящная тонкая точка;
И долгий во тьме ночей, – мучительно долгий путь!

И это больше, чем страсть. И это больше, чем чудо!
Как яркий безумный огонь, – избыточность, – сердца стук.
Приправа из очарования, и золотое блюдо
В котором живой костер и теплый, и сладкий звук.

Как раб у ног госпожи, поэт у своей веревки!
Но только любовь одна ведет и питает страсть...
А все остальное, – дым! А все остальное, – уловки.
Позвольте же мне с небес у ног ваших облаком пасть.

Я смогу вас забыть?

Я смогу вас забыть. Смогу!
Пусть не в той, и не в этой жизни;
Пусть, совсем не осталось слез
На лице моем, – только тоска.
Я смогу вас забыть. Смогу!
Как и тот завершающий выстрел...
Револьвер в дрожащей руке, —
Револьвер у больного виска.

Я могу вас представить лишь.
Только Господи, как же странно
Видеть в ваших глазах рассвет,
А в своих inferнальную тьму.
Я могу вас представить лишь.
Может где-то, в чем-то банально,
Что вы дарите свет любви,
Но не мне, – не мне... одному!

Мой соперник вам мил, и близок.
Обо мне он даже не знает;
Да и вы, узнаете вряд ли
В моих строчках
Свой теплый взгляд.
И когда моя кровь остынет;
Не останется слов для муки,
Я спокойно выпью печальный
Свой последний, безгрешный яд.

Я смогу вас забыть. Смогу!
Хотя это звучит, так жестоко.
Никогда! Никогда не желать...
И желаемым вами не быть.
Я смогу вас забыть? Смогу!
И представлю, как рухнет пропасть, —
Остается только одно,
По инерции... сердце разбить.

После бала

Ах, мадам... мне право неловко,
Представлять вас скучающей модницей.
Словно это уловка какая-то
Вдруг пронзила мне сердце, насквозь.
Но мой Бог, вы такая прелестница!
Словно лестница кружится... кружится
В теплом танце надменно-запутанном
Под названием горестным, – врозь.

И хрустальные лампы вращаются,
Назначая дуэли безумные.
Мне хотелось бы стать победителем,
Или просто, уйти навсегда!
Словно я оставаясь мучителем
Ваших рук, что так трепетно-ласковы
Не увижу, как тени измучены
Никогда... никогда... никогда!

Кто прощает, а кто-то прощается.
Ах, скорее бы время закончилось
Может быть, вы и вправду скучаете
Этот мир так нелеп, так нелеп...
Для подобного совершенства.
Вы меня к себе приручаете?!
Среди шума... и тихого шепота
Я наверное, просто ослеп.

О жестокая, но мягкосердечная
Королева ночей предательских
Где лишь холод сжимаю, глупый я,
Вместо шелка ваших одежд.
Как мне хочется вас порадовать
Чистотою стихов моих каверзных:
От восторгов моих младенческих
До таких откровенных... надежд.

На падающих вниз весах

Лицом к лицу, – как это сладко,
Смотреть на дивные картины,
Что ночь сознанию открыла,
Так откровенно... в детских снах
Вы были так безумно близко.
Так в жизни, никогда не будет!
И сны, наверно, длятся вечно,
Как время... вечно на часах.

Столетия, тысячелетия, годы...
Да, что там годы?! Краткий миг!
Лицом к лицу, – как это сладко
Молитвы... только дикий крик...
Хранить все, как воспоминание, —
Рассвет так горестен без вас, —
О том, что жизнь так иллюзорна
На дне небесных ваших глаз.

Ах, разрушители иллюзий!
Приход в себя, – уход, обратно.
Зачем я вижу вас так редко
В своих невольнo грешных снах?
И жажда мучает уста.
Они так близко! Близко! Близко!
Застывшие в стоп-кадрах, вспышках
В каком-то странном состоянии
На падающих вниз весах.

«Фатальное одиночество, ...»

Фатальное одиночество, —
Когда поздней ночью не спится, —
На небе танцуют ангелы;
В руках... поют белые птицы.

Покажутся слезы, – красными,
А свет ночника... таинственным,
Но будут улыбки страстными;
И мир вечных снов единственным.

Фатальное одиночество, —
Любви открытая рана, —
Танцуют черные ангелы
В глубинах бледных тумана.

Холодное сердце видится
Рассыпанными осколками;
Бриллиантами тьмы прозрачными
Пронизанными иголками.

«Ах, как мне хотелось бы знать...»

Ах, как мне хотелось бы знать,
Что со мною вы... просто играете!
Что тепло ваших сладостных губ,
Для меня... никакой не мираж;
Или те откровенные взгляды,
Что вы будто с неба роняете
Пусть на самую малость ничтожную
Мне хоть чуточку принадлежат.

Ах, как мне хотелось бы знать,
Что кому-то хоть можно довериться
В этом мире безумием пропитанном:
Постоянно закрытых дверей;
И холстов никем не написанных;
И ночей холодных от пламени;
И печальных свечей не сгорающих,
Замерзающих фонарей.

Ах, как мне хотелось бы знать,
Что бывает любовь ответная, —
Как игра без правил идущая
Где-то там где я вижу сны.
Постоянно меня манящая
Неприметно меня зовущая
В те далекие дали фантазии,
Где без выстрела... все мертвы.

Ах, как мне хотелось бы знать,
Револьвер заряжая спасением,
Что за мраком... не будут виновными
Те кто мимо меня стрелял;
Но лишь пустота дула черного
Надо мной усмехнется таинственно.
Я хочу, чтобы с сердцем разрушенным
Кто-то нежный, и теплый... играл.

«Когда я вижу вас, – мне снятся ангелы...»

Когда я вижу вас, – мне снятся ангелы;
Когда не вижу вас, – мне снится ад
В котором я, каким-то странным образом
Был расчленен, раздавлен и распят.

Мне небо мстит за грусть мою бездонную;
Но иногда, когда я тихо вам молюсь
Я вижу звезды сквозь печаль оконную
И свете лунном бликом темным остаюсь.

Когда я долго вас прошу о снисхождении
Вы можете в мои проникнуть сны
На грани тонкого но неземного притяжения,
Когда зима пришла, а в сердце свет весны.

«Это вы научили меня летать...»

Это вы научили меня летать
В небесах серебристо-белым драконом;
Это вы научили меня страдать,
Понимая, что мир живет по своим законам.

Я в который раз узнаю эту боль,
Но поделаться с собой ничего не смею.
Просто я никогда не играл свою роль,
А чужую играть, увы... не умею.

Это вы научили меня, что жить
Так легко, и весело... и прекрасно.
Только жаль, что я не знаю, как быть,
А без этого все вокруг нас напрасно.

Каждый миг был спасением, и стал мечтой.
Только в этом есть самая страшная пытка, —
Я любовью наполнен, как пустотой.
Ну еще... еще... хоть одна попытка!

Это вы научили меня летать!
Только крылья мои у меня отобрали.
И я сердце свое могу вам отдать...
Только брать вы его, увы не желали.

«Я – мысль о ванне в комнате без зеркал»
А. Бретон.

Я, – ваша мысль о ванной в комнате без зеркал.
Я, – это неба осеннего ясный летний оскал.
Я, – звук разбитой скрипки; тускло горит свеча...
Я, – раб вашей улыбки, падающей с плеча.

А в сумасшедшем доме я, – самый чистый лист;
И на разрушенной сцене самый главный артист.
Только вот розданы кем-то всем подряд наши роли.
Я, – огонек из пепла чистой бессильной боли.

Я, – ваша мысль о зеркале в комнате без воды.
Я, – это неба осеннего призраки долгой беды.
Тонут последние звуки ангельских партитур;

И тишина, – ваши руки теплых и нежных натур.

О страдании

Кто может сказать, что такое страдания?
Вас нет у меня, – и я умираю!
А в полночь со мною играют желанья,
И ищут все то, чем я не обладаю.

Какая-то странная страшная пытка;
Замерзшее сердце... холодные руки;
Ползет тихо-тихо по телу улитка...
Не уж-то вы скажите: «Это не муки.»?

Осколки стекла в первом сорванном яблоке.
В зрачках одиночества тает вселенная.
Кровавое, темное спустится облако,
И молча поглотит все здесь неизменное.

Кто может сказать, что такое страдания?
Под силу ли вам быть слишком жестокой?!
Была ли когда-либо бездна столь искренней;
Была ли печаль столь открыто глубокой?

Под темными веками черные вороны
Похожи на белых заснеженных птиц,
Летящих по ветру на разные стороны
За тайнами ваших прелестных ресниц.

И копятся крики, зажатые сказками;
Вокруг миражи откровенные маяться...
Страдание режет, холодными ласками!
Скажите, зачем эти люди влюбляются.

«В небе темном среди туч...»

В небе темном среди туч
Светлый ангел, – Солнца луч
Показался и с рассветом
Мою душу оживил,
Вдруг меня наполнил светом
В сердце вновь любовь вложил;
Оживил мои надежды,
Приоткрыл мне небеса;
Распахнул мои одежды,
Чтобы я принял дары,
И в груди моей остывшей
Вспыхнул сладостью жары.

И последний сон осенний
Спутал и опутал тени, —
Почему-то я без крыл...
Отряхнул свои печали
С первым светом в небесах
Ангелы мои молчали.
Я в пустых ладонях прятал
Ваши сонные улыбки...
В предрассветных чудесах.
Будто бы играли скрипки, —
Свет смеялся в небесах.

«Ветви деревьев с Солнцем сплетаясь...»

Ветви деревьев с Солнцем сплетаясь
Странные тени бросают вокруг...
Будто в черной коре холодной осени
Спрятался свет от глаз любопытных
Или Все листья которые пали,
Только в словах остались обидных.

Горечь безумных диких сравнений
Блеск эпиграмм о черных драконах;
Кожа первого змея играет
Тьмой соблазнителя. В старых иконах
Чистые образы боли и муки
Сердцем играют холодным и пьяным,
Только лишь ваши светлые руки
Путь указали к звезде умирающей, —
Вспыхнули светом последние звуки
Чистой души во тьме осени тающей.

Темное ожидание

Может быть, вы просто... любезны,
Ну а я простой идиот,
Раз могу в глазах ваших видеть
Небо светлое, – сладкий мед!

Может быть, вы привыкли к такту,
И улыбки ваши... для всех,
Ну а мне так сладко услышать
Ваш волшебный чарующий смех.

Пусть какая-то злая воля
Говорит мне, – вы не моя!
До чего же безумная доля
Ждать во тьме, что будет заря.

Танец

Подайте, мне вашу ручку.
Как сладко ее держать!
Я знаю, моей вы не будете.
Так глупо было, мечтать?!
Я знаю, меня вы забудете, —
Не вспомните никогда.
Моей никогда не будете...
На миг, или навсегда.

Пройдут ночи холодные
В которых не видно снов;
И призраки тьмы бесплотные
Осушат меня до дна.
Пусть кровью в моем безумии
Огни от свечей холодные
Рассыпятся в небе звездами.
Вам, боль моя... не видна.

Моей никогда вы не будете.
Скажите мне, – почему?
Меня вы просто... забудете;
Закроете молча дверь.
Я здесь, бледный и умирающий;
Пытаюсь представить вас ласковой...
Но я лишь бесцветное облако,
И раненный в сердце зверь.

«Пусть вообще, я ничем не буду!..»

Пусть вообще, я ничем не буду!
Я, – есмь прах, и бледная пыль.
Пусть я все на свете забуду...
Я! Влюбленный в смерть и полынь.

Напророчит судьба моя злая
Океаны бездонных снов.
Словно сыну печальному Лая
Миллиарды несказанных слов.

Я пройду по тростинке над пропастью
И останусь навек во тьме;
Не увидят глаза ослепшие
Ничего абсолютно во мне.

Не узнают краткие странники, —
Как и я ходящие здесь, —
Что мы все мертвецы и изгнанники,
Проглотившие горькую смесь.

Смерть одна обладает личностью,
Поглощая как пряный дым
То что мы считаем наличностью
И причинностью быть своим.

Жажду света погасит творчество,
А любовь... оставляет во тьме!
Для чего это все?! Одиночество!
Будет болью предшествовать мне.

Истинные слова

Замри дитя,
И слушай голос мой!
Он проведет вас
Через горы и долины,
Покажет путь вам
Через поля домой,
Проложит мост
Пред мрачные трясины.

Ступай, – не бойся!
Слово, – проводник
Через миры,
Через муки и проклятия.
Я сохраняю Солнце
Лишь для вас
Как вечное
Безумное заветие.

Моя душа, —
Открытый долгий путь.
Я у двери
Оставил ключ...
Вам в руки.
Когда-нибудь
Погаснут все огни
И тишину пронзят
Иные звуки.

Таких нет слов
Ни на одном наречии,
Но ваша плоть
Их знает, – и горит.
Они важны лишь раз
В единый темный вечер
Они мягки, как облака;
И прочны, как гранит.

В миры чудес,
Ведут мои вас слуги.
Они принадлежат вам,
Так же как и я.
Они, – на небе огненные дуги
И пламени
Бескрайние поля.

Их смысл неясен?!
Или прост,
До ослепления?!
Под их напором
Даже сталь горит,
Их знает только тот,
Кто ночью звездной
С далекой бездною...
Тихонько говорит.

А мне тепло, когда идут дожди.
Нет, я не думаю, что вдруг пройдут печали
И голос тихий-тихий... «Подожди.»
Меня поманит в сказочные дали.

Вот знаю, – завтра будет новый день!
И Солнце ослепит меня, как прежде.
Откуда же приходит ночью лень
И подпевает, той несбывшейся надежде?!

Она разъест мне сердце, и дотла!
Но душу охладевшую не тронет
Лишь в зеркалах я вижу блеск тепла
И крик безумных глаз в зрачках... у вас, утонет.

Ах, осень! Вы... задумчивый палач
Моих желаний неосуществимость, —
Вот, даже небо плачет за меня
Мне бы его от ран неуязвимость.

«Позвоните мне, – умоляю вас!..»

Позвоните мне, – умоляю вас!
Просто так... ошибитесь номером.
Я скажу, как ваш голос чарующий
Бесконечно волшебнo-мил.
Страсти сердца безумного сдерживать;
Видеть ваши улыбки рассветные;
И не смей до вас даже дотронуться
Никаких во мне нет больше сил.

Я желаю, видеть вас скованной
Не цепями, – губами дикими, —
Сладость под языком сокрытую
Навсегда, вашу разоблачить!
Чувствовать, что вы приближаетесь
Как гроза, но тихонько... на цыпочках,
В ураган превращаясь безжалостный
Разбивая оковы печальные
Груза жизни почти неподъемного,
Что уже невозможно влачить.

Я желаю, слышать вас ангелом:
Преклоненным, упавшим... связанным,
Каждым словом моим восторженным
Перепутанной как змеей.
Чтобы вы не могли ни двигаться,
Ни дышать, ни кричать... не противиться.
Лишь склониться Богом Прощающим
Над сгорающим пламенем, – мной!

Замок мой на облаках

Как свеча горяча, как надежда туманна
Вы пришли в мои сны, чтоб меня обвинить?
Почему, ангел мой, вам так кажется странно,
Что посмел бедный раб... королеву любить?!

Расскажите мне, как небесам светлым тесно, —
В этом мире волшебном мне давно места нет.
Плакать и говорить о любви неуместно;
Только кто принесет мне в улыбке рассвет?

Здесь темно, будто в пропасти битых зеркал
Разлетаются образы, звуки, мгновения...
Мир безумия и слов сам себя растерзал
И взошел на осколках, – от их столкновения.

Не сгорать, не могу! Как от жаркой свечи, —
Пламя может спалить и великую Троию,
А тем более замок мой на облаках
Что в холодных ночах бесконечности строю.

Как и всегда

Ах, если б мог я умереть, —
Так, сразу!
Увидеть вас, и не познать...
Ни разу!

В хрустальной дымке голоса, —
Склонились.
Наверно, просто мне вчера...
Вы снились?!

Но я не видел этот сон, —
Как грустно.
И в темноте, как и всегда...
Лишь пусто.

«Мое сердце, огонь!..»

Мое сердце, огонь!
А в руках пустота;
Мое тело, как лед,
Словно холод могил
Я смотрю, – рассыпается
В пыль темнота
Та, которую я
Из себя сотворил.

Был ли голоден я?!
И чего не имел?!
Когда тихо сказал тишине:
«Я люблю!»
Когда вас воспевать
Солнцем светлым посмел,
Зная, душу свою...
Как всегда, – погублю!

И теперь, – холод, мрак.
Не понять чем без вас
В этот день я живу
На озябшей земле.
Но хотите, для вас
Я поутру умру,
Или стану зеркальным
Туманом... во сне.

«Постойте! Еще хоть секунду...»

Постойте! Еще хоть секунду,
Мой ангел рассветный.
Позвольте мне насладиться
Моим Солнцем светлым.
Ведь там, – на небе, —
Так пусто и так темно,
А жизнь... совсем без сюжета
Немое кино,
В котором не то, и не это.

Зачем я попал в первый ряд?!
Вы не слышите, вовсе.
Как будто один на один
Я и холод осенний, —
Спасение мое в вашей
Томной сладкой улыбке.
Постойте!
Экран неживой и холодная тьма...
Как печально.

Мой ангел рассветный,
Обычно не вижу я звезды,
Которые в полночь
Упали на грешную землю.
Еще хоть секунду!
И голос ночей запыхает свечами
Я внемлю...
Но холод опутал
Мне тело, ночами.

«Глупо думать, что небо взрывается...»

Глупо думать, что небо взрывается
Когда в окна приходит ночь
И во тьму весь свет превращается
Прогоняя надежды прочь.

Остается лишь мрак и холод
От любого святого огня
Пробуждается дикий голод...
Дикий голод по ласке дня.

Нет спасения, – сны кошмарные
Разорвут на осколки глаза,
И безумные блики туманные
Оросит алой кровью гроза.

Дождь из крови, и бледной муки
Никому, – никому не скажу!
Я целую во тьме ваши руки
Или просто от боли дрожу.

«Зачем вы так чисты?!Зачем вы так чисты!..»

Зачем вы так чисты?!Зачем вы так чисты!
Ручей с прозрачной солнечной водою,
Зачем вы в этот мир вовлечены, —
Обручены с его бездонной пустотою?

Зачем вам прятать тайны ваших глаз
В которых отражаются лишь звезды,
Когда я в тишине смотрю на вас;
И вижу влагою напоенные розы.

Кроваво-красный свет бледнеющей зари;
Улыбка сладких губ похожа на знамение...
И отплывают вдаль с причалов корабли
Чтоб курс держать на лунное затмение.

Зачем вы так чисты?!Зачем вы так чисты!
И до безумия дикого прекрасны;
Зачем вы видите столь сладостные сны.
Ну а мои? Печальны... и напрасны.

Мое бессилие ваши корабли
По морю осени ветрами не наполнит.
Кроваво-красный свет бледнеющей зари
Волшебные капризы... не исполнит.

«Я ждал вас ночью в «Англетере...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.